

ЗАЩИТА ВИНБЕРГА

(13-летняя эпопея в московской математике 70-х–80-х годов)

С.П.Новиков

Эта статья приурочена к кончине Э.Б.Винберга

Предыстория такова. В 60х годах усилился интерес к дискретным подгруппам в группах Ли и симметрических пространствах, были крупные достижения–Борель, Сельберг и др. В нашей стране Пятецкий–Шапиро был к близок к этой теме, а также Шафаревич, так как понятие арифметической группы сблизило эту область с алгебраической теорией чисел.

Неарифметических групп тогда известно не было. Эта тема взорвалась. В середине 1960 г.г. в Стекловку к Делоне приехал молодой математик из Молдавии Виталий Макаров. Он начал строить дискретные подгруппы движений трехмерного пространства Лобачевского геометрическим способом, но не знал, что с ними делать. Делоне привел его к крупному специалисту –

И.И.Пятецкому-Шапиро, который порекомендовал искать "неарифметические" группы, указал критерии. Макарову удалось их найти среди дискретных групп с фундаментальной областью конечного объема, но с выходом на границу, с некомпактным фактор-пространством.

Винбергу удалось сделать это и для случая компактных фактор-пространств.

Он создал красивый метод, изучая группы, порожденные отражениями, который дал весьма много— особенно в более многомерных пространствах Лобачевского–все они имеют ранг 1. Несколько лет спустя Гриша Маргулис доказал, что в случае ранга 2 и выше такие дискретные подгруппы всегда арифметические. Ему присудили Медаль Филдса в 1978 году.

Макарову провели докторскую через несколько лет (Делоне и Новиков), после чего его фамилия упоминаться не будет. Винберг защищал докторскую на мех/мат'е в 1971 году. Приоритетные проблемы – если они и были – все к этому времени были урегулированы. Впрочем, я был в стороне тогда.

Однако, в ВАК поступил краткий и резкий отзыв Понтрягина–следствие его присоединения к Виноградову в деле преследования математиков, а также легкомысленно–безответственными словами его многолетнего младшего друга – Шафаревича, который сам в это время считался "диссидентом" и озвучивал свои мнения через Понтрягина.(Ниже я привожу беседу с Шафаревичем. Он плохо понимал последствия своих неосторожных непродуманных слов).

Диссертация Винберга после этого задержалась в ВАК'е на годы. Платонову Понтрягин предложил отказаться от своего положительного отзыва, но он отверг.

Здесь уместно сделать такое примечание: Винберг был учеником Е.Б.Дынкина на кафедре алгебры МГУ – зав. А.Г.Курош. Это была одна из самых высококласных кафедр. В.М.Глушков (до отъезда в Киев), С.П.Новиков (до 1960 г. студент кафедры), профессора Шафаревич, Постников, Дынкин, Ширшов, ... По неизвестной причине Шафаревич невзлюбил Дынкина. Он посоветовал Понтрягину убрать фамилию Дынкина при очередном переиздании его книги "Непрерывные группы" из

классификационной теории простых групп Ли. Это может объяснить и его предвзятое отношение к Винбергу. Я не знаю, в чем дело. Неужели завистливость к славе, возникшей из работ методического типа?

Эти два крупных ученых – Понтрягин и Шафаревич – несомненно страдали психическими отклонениями. Понтрягин – крупнейший из них – из-за слепоты; он до 60 лет держался очень порядочно, многим помог, но в старости возжаждал "управлять" и сбрендил на этом. Его пригласили "математические кукловоды" в 1968 году чтобы списывать на него свои грязные деяния. (Пару раз он потявкал и против меня для их угоды).

Шафаревич – тоже замечательный талант – несомненно страдал от комплекса "вундеркинда из детского сада", который на самом деле принес ему немало трудностей, он заботливо скрывал их от публики. И мы о них помолчим.

В 1960 году академик-секретарь отделения физ/мат наук АН СССР "водородный" физик Л.А.Арцимович спросил Шафаревича: "кого можно сделать директором Стекловки?". Тот рекомендовал Понтрягина. Арцимович ходил в отдел науки ЦК КПСС но они сказали, что слепого нельзя, и видимо были правы. Виноградову исполнялось 70 лет в 1961 году; считали, что ему надо уходить. Остальные были на 10-20 лет моложе. Многие физики не любили Виноградова. Его грязные дела начиная с 1948 года были им известны. Шафаревичу физики доверяли. Несомненно, Виноградов об этом узнал. В 1966 году, уже после раскола отделения физ/мат наук на физиков и математиков, Шафаревич баллотировался в академики. Виноградов не знал о научных трудностях, возникших в премированных работах Шафаревича (тот их скрывал и позднее попал под шантаж своего ученика Кострикина).

Виноградов сказал Шафаревичу: "Я буду против Вас, потому что Вы евреев поддерживаете". Для Шафаревича это был тяжелый удар. Он был другом с Гельфандом, работал с Пятецким-Шапиро, его учениками среди прочих были такие математики как Мойшезон и Голод.

В 1970 году Гельфанд, уже ставший моим старшим другом, просил меня быть "замененным оппонентом" вместо Д.К.Фаддеева, который не смог приехать. Это было на мех/мате МГУ. Защищал кандидатскую его талантливый ученик И.Бернштейн, который был мне близок. Конечно, я согласился. Гельфанд поведал мне, что получил резкий отказ от Шафаревича. Это был для него шок.

В начале 1970-х мой друг Г.Хенкин – сильный математик – рассказал мне следующее: его отец был в доме отдыха с отцом Шафаревича, и тот ему сказал: "А Игорька-то из-за евреев академиком не выбрали". На самом деле "еврей" – это было типичное для Виноградова оформление. Он считал, что

Шафаревич его предал, сговаривался об отстранении его от должности директора МИАН перед его 70-летием. "Еврей" его не смущали, если человек его бесспорно поддерживал в его нуждах – достаточно посмотреть на Линника (полуеврея), который сам имел сколько хотел еврейских учеников и сотрудников, но Виноградова поддерживал.

В 1970-х на мех/мате МГУ стал усиливаться антисемитизм. Где-то в 1973-74 гг. с мех/мата пришли два замдекана к Виноградову, посланные чтобы "разоблачить" стекловцев, которые "тайно от Виноградова" имеют еврейских учеников в МГУ. Он пригласил Прохорова, который уже стал академиком в 1972 г.; тот сказал: "Если это повторится, то мы с Вами больше разговаривать не будем". Виноградов позвонил в проходную Стекловки и приказал, чтобы этих людей больше в Стекловку не пускали. Он не хотел объединяться с "дешевым" антисемитизмом мех/мат'а. С этой овцы он стриг сам, без них. Для одного из них это был ценный урок. Приносить себя Виноградов не хотел.

В середине 1970-х его опора в академии пошла вниз. Скандалы против книг выдающихся физиков, затеянные стекловским шефом, (или его главным покровителем?) вызвали раздражение физиков (см ниже). Власть в академии переменялась. Брежнев передал её физикам. Атомный подводный флот важнее, чем пустые дразги математиков. В марте 1977 г. на годовом собрании АН СССР Виноградов подвергся резкой критике со стороны А.Д.Александрова, М.А.Леонтовича и С.П.Новикова – 2 академика (математик и физик) и один член-корр – это я. Предыстория такова: Еще 1972 г. я вместе с А.Д.Александровым и А.А.Марковым написал письмо в Комитет по Ленинским премиям против присуждения премии Виноградову за ничтожные старческие работы. Оно исчезло, но было зачитано Петровским, которому мы его дали. Председатель, повязанный с Виноградовым, очень озлобился и отстоял Виноградова жестким приказом. Меня преследовали, но я уже жил в мире физиков-теоретиков.

Мое противостояние с Виноградовым началось в 1970 г., когда меня не пустили на Конгресс Математиков в Ницце для вручения медали Филдса – тайно от меня отрицательная характеристика была написана Виноградовым. Она была послана в райком. Секретарь райкома Давыдов сказал: "Что Вы меня за дурака считаете? Хотите послать человека – принесите хорошую характеристику, не хотите – ничего не несите". Я об этом узнал, прижав партсекретаря Стекловки, и быстро пошел в институт Ландау (сначала совместителем), хотя Виноградов мне яростно препятствовал. Это повело к острым конфликтам. Виноградов это расследовал, нашел утечку и партсекретаря выгнали. Не только я сам, но и моя мать вместе с своим лучшим учеником подверглись в стекловке преследованиям. Вскоре в стекловке и РИСО началось нападение на учебники крупнейших физиков–Ландау и Зельдовича, имена которых сейчас на названиях институтов и улиц. Виноградов зашел слишком далеко. Запахло маразмом.

Нападение на физиков новый президент А.П.Александров спускать не собирался. К сожалению, главный удар по Стекловке пришелся после смерти Виноградова. Страдают всегда невинные.

Возвращаюсь к Винбергу. Он обратился тогда за помощью к ректору МГУ физику Р.В.Хохлову, который быстро шел вверх. Хохлов сказал ему: получишь отзыв Новикова, я тебя проведу в ВАК'е. Винберг пришел ко мне.

Я попросил его подождать и пошел к Шафаревичу, с которым раньше имел взаимопонимание по многим вопросам. Была поздняя весна 1977 г.

Шафаревич сказал мне: "Хиленькая диссертация". Зная его манеру, я спросил: "Что значит хиленькая для Вас? Среди докторских диссертаций она выше или ниже середины?" На прямой вопрос Шафаревич лгать не стал. Он сказал: "Нет, все-таки выше". Мне этого было достаточно. Я встретил

Винберга и сказал ему: "расскажи о своих работах". Они мне очень понравились. Я еще раз пошел к Шафаревичу и сказал ему, что я разобрался и диссертация очень хорошая. Он не удивился и сказал: "На первый взгляд так кажется, но все идеи принадлежат Пятецкому-Шапиро". Я спросил: "где это опубликовано?" Он сказал: "нигде, но я об этом знаю, и поэтому ухожу от прямой поддержки. "Спасибо" – сказал я, и написал Винбергу очень хороший отзыв. Тут случилось несчастье. Погиб летом 1977 ректор Хохлов после обморожения в горах Памира. Все покатилося. Шафаревич и Понтрягин больше Винбергом не занимались, но он уже был "помечен к жертвоприношению" у главного кукловода Стекловки. И тот взял дело под свой контроль.

Осенью 1977 года состоялся Ученый Совет Стекловки по защитам;

Виноградов не выходил из кабинета. Председателем Совета он сделал математически безграмотного бывшего своего ученого секретаря, ныне зав. "закрытым отделом" Стекловки. Его сделали член-корром в 1964 г., отстранив

Арнольда и Ладыженскую. Моего отца обманывал тогда по поводу компетенции этого персонажа Линник, которого в 1964 году Виноградов провел в академики, отстранив Гельфанда. Тот председатель был нужен для грязных дел. Среди физиков стали поговаривать о подделке голосований у математиков академии. В древней Греции (времен Гомера) богиня Афина иногда подкладывала лишний бюллетень. У этого же было все в порядке – один изъял, один положил. Это более современно.

Посредственный геометр Рышков докладывал, рекомендуя отклонение – его за это повысили в должности. Долго ему отказывали. Дисциплина была железной. Разрекламированный ленинградский молодой математик робко примчался, чтобы голосовать против Винберга. Новикова пригласили, по закону ВАК, как автора официального отзыва. Арнольд и Вершик были удалены – совет был "секретен". Винберга Совет осудил.

В августе 1978 года состоялся Международный Конгресс Математиков в Хельсинки. За 2-3 месяца до этого скончался главный столп Виноградова в академии, Виноградову стало нужно "спасаться". Использовал он слабости

Понтрягина. Перед самым открытием Конгресса тот приехал, как глава советской делегации, по поручению Национального Комитета Советских Математиков (председатель – Виноградов); ему поручили скандалить по поводу присуждения Филдсовской Медали Маргулису. Был шум. Скандал был фиктивен, чисто демонстративен. Филдсовские медали уже были несколько месяцев как присуждены и утверждены. Был там советский представитель – Ю.В.Прохоров. Но он молчал, хотя наверное не голосовал за

Маргулиса, опасаясь доносов. Виноградову надо было создать скандал вокруг Понтрягина. Прохорову он гарантировал анонимность. Нужно было ослабить "глупого" Понтрягина, возложить все на него.

Я был на Конгрессе – у меня был пленарный доклад; я говорил о периодической теории солитонов и роли в ней квантовой механики. Хотя в институт Ландау и приходили спорадические доносы Виноградова в 1-й отдел (т.е. КГБ) на меня и Синая, но в Ландау они вызывали смех. Да и на Конгресс меня, в отличие от 1970 г., они не пустить не могли. Я пообщался со старыми друзьями и коллегами – Биллом Браудером, Мозером, Маккином; привез Дынкину лекарства от высокого давления – он еще не освоил американские лекарства.

Появились на западе загадочные материалы, где осуждались оба – особенно Понтрягин, но и Шафаревич, который был очень раздражен. Я слышал это от него лично. Академиком он стал после 1991 г. – распада СССР, при переходе от АН СССР к РАН. К тому времени он натворил много чепухи, происходящей, как мне кажется, из "детсадовской психологии", отравленной Виноградовым в 1966 г. Позднее, в 1992 году, Президент Осипов (РАН) при основании РАН провел целую когорту – и правых, и левых значительных "недоизбранных" ученых.

Сделав доклад и пообщавшись с друзьями, я купил меховую шапку и уехал в Москву после 1-й недели. После моего отъезда на конгрессе были протесты против того, что Добрушина не пустили на его секционный доклад. Гришу Маргулиса тоже не пустили, как и меня в 1970 г. на вручение медали Филдса. Это усилило шум.

У меня возникло впечатление во время Конгресса, что Понтрягин начал мне симпатизировать. Вероятно, он начал подозревать, что Виноградов подставляет его сознательно, чтобы уйти от ответственности.

Вскоре приехал в Москву Президент Бостонской Академии Лебовиц. Он посетил Президента Александрова и спросил его об этом. Тот позвал руководителя аппарата КГБ в академии (Карасова) и спросил его. Тот сказал: "Виноват Понтрягин, и только он один". Посетив семинар "рефузников" Лебовиц это рассказал. Один рефузник был моим другом и сообщил это мне.

В 1979 году состоялась Международная Киевская конференция, где была обширная секция солитонов и нелинейных волн; я участвовал. За несколько дней до ее начала в Москву приехал близкий мне по теории солитонов знаменитый ученый – Мартин Крускал. Он встретился с ак. Сагдеевым – они когда-то пересекались в теории плазмы. Сагдеев жил напротив меня в доме №7, я в доме 9 по улице Губкина. Он меня срочно пригласил. Придя, я застал Крускала. Тот сказал, что выполняет поручение какого-то журнала в США. В этом журнале была опубликована статья непонятного происхождения, в которой осуждался Понтрягин и назывался ряд его дел. Понтрягин написал туда письмо. Он признавал себя ответственным за 2-3 из этих дел, гордился ими, а про остальные написал, что они были единогласно приняты Национальным Комитетом Советских Математиков. Он не является его

председателем. Там было 24 члена и голосование было единогласным. Он несет ответственность за 1/24 часть этого решения.

"Что делать?" – спросил Крускал. "Понтрягин прав" – ответил я – "это так. За это несет главную ответственность Председатель – Виноградов." Журнал опубликовал ответ Понтрягина. Это вызвало злобу. У Понтрягина отобрали часть позиций. Он разозлился на Виноградова. Вместе с добряком Никольским он проголосовал за меня на ближайших выборах в академики в 1981 году, игнорируя ярость Виноградова. Этот добавок голосов решил выборы для меня. Реальным главой математики в академии после смерти некоторых "столпов" стал Боголюбов. Виноградов прожил еще два года, задыхаясь от бессильной злобы, строчил доносы на Боголюбова, вредил тем, кто ему физически помогал. В 1983 году он скончался, и Боголюбов позвал меня вернуться в стекловку и работать над возрождением научной этики. Оставаясь частично в институте Ландау, я стал активен в стекловке, вошел в ВАК. Эта деятельность продолжалась и при следующих директорах. Мы провели ряд крупнейших ученых в академию, ряд хороших математиков защитил докторские диссертации – в Ленинграде, Минске, Тбилиси, утвердили их быстро. "Дешёвые" на мех/мате отступали медленнее. Проведя через ВАК Винберга, я позвонил ему. Он сказал: "Не прошло и 13 лет как меня утвердили". С 1990 года началась новая жизнь. Все стало распадаться, появились новые грехи, но уже другого типа, не преступления против личности, и в другом поколении. Эту чушь даже Виноградов отвергал. В Стекловке люди Виноградова, ведавшие его наследием, попали под уголовный процесс. Две трети сотрудников считали, что гигантские деньги Виноградова украдены. Из КГБ за этим следили. Он распускал слухи о своем богатстве. Вряд ли он был нормален. Он распускал о себе слухи в духе "гигантомании". Кстати, это не ново. Александр Македонский, уходя от границ Индии, оставил гигантского размера уздечку, меч и что-то еще, чтобы в Индии потом думали, что Александр был гигантом. Всегда есть подражатели – и в наше время тоже.

Следователи КГБ были в недоумении и раздражении – никаких денег и не было. Они не могли поверить. Только Президент Марчук смог закрыть это дело .